

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

УДК 94

В.А. Подольский

Институт философии РАН,
109240 г. Москва, Российская Федерация

Философия XX в. о социальной политике как средстве урегулирования конфликтов

Цель статьи – выявить основания, которые определяют предложения различных направлений политической философии в сфере социальной политики. Рассмотрено наследие представителей консерватизма, либерализма и социал-демократии XX в. как течений, в наибольшей мере повлиявших на современную социальную политику. Показано, что предложения по организации социальной политики определяются представлениями о рисках, конфликтах, ценностях, надлежащем устройстве общества. Консервативная философия предлагает предотвращение общественных конфликтов с помощью общего пространства традиций, взаимопомощи, опеки и корпоративного страхования. Либеральная – с помощью гарантий прожиточного минимума, обеспечения равенства возможностей и содействия рыночным механизмам, позволяющим индивидам защищать себя от рисков. Социал-демократическая философия – с помощью устранения неравенства как причины конфликтов, единых правил перераспределения и государственного планирования.

Ключевые слова: государство всеобщего благосостояния, социальная политика, либерализм, консерватизм, социал-демократия, общественные конфликты

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Подольский В.А. Философия XX в. о социальной политике как средстве урегулирования конфликтов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2025. Т. 16. № 3. С. 100–115. DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

V.A. Podolskiy

RAS Institute of Philosophy,
Moscow, 109240, Russian Federation

20th century philosophy on social policy as a means of conflict resolution

The purpose of the article is to identify the grounds that determine the proposals of various schools of political philosophy in the field of social policy. The article studies the legacy of conservative, liberal and social-democratic thinkers of the 20th century, for these schools of thought have had the greatest influence on modern social policy. It is shown that proposals for the organization of social policy are determined by ideas about risks, conflicts, values, and the proper structure of society. Conservative philosophy proposes preventing social conflicts with the help of a common space of traditions and corporate mutual assistance schemes. Liberal philosophy, on the other hand, seeks to achieve this by guaranteeing a minimum standard of living, ensuring equality of opportunity and promoting market mechanisms that allow individuals to protect themselves from risks. Social democratic philosophy aims to prevent conflicts by eliminating inequality as their root cause, establishing uniform rules of redistribution and implementing state planning.

Key words: welfare state, social policy, liberalism, conservatism, social-democracy, social conflicts

FOR CITATION: Podolskiy V.A. 20th century philosophy on social policy as a means of conflict resolution. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2025. Vol. 16. No. 3. Pp. 100–115. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2025-16-3-100-115

Изучение отношения политической философии XX в. к социальной политике актуально для сравнения задач, которые ставятся в разных политико-философских подходах, того, как они выделяют проблемы и каких ожидают результатов. Различия между современными моделями социальной политики в разных странах связаны не только с экономическими предпосылками, но и с политической философией, что показал датский социолог Гёста Эспинг-Андерсен в книге «Три мира капитализма всеобщего благосостояния» (1990), выделив консервативное, либеральное и социал-демократическое государство всеобщего благосостояния [10]. Эспинг-Андерсен указывал на ограничения своего подхода к классификации, например, британское государство благосостояния, обладающее всеобщей системой здравоохранения, отнесено к либеральному типу. Но именно сравнение политико-философских оснований имеет наибольшую ценность при изучении социальной политики, поскольку позволяет сравнивать желаемую организацию общественных отношений, представления о мотивации, правах и обязанностях, проблемах справедливости, равенства и свободы, содержании и способах решения конфликтов, из чего следуют разные приоритеты в перераспределении.

Термины «социальная политика» и «социальное государство» ввел немецкий правовед Лоренц фон Штейн в XIX в. Он рассматривал широкий комплекс проблем того времени, получивший название «социального вопроса». Изменения в экономике и политике, связанные с промышленной революцией и демократизацией, привели к появлению новых условий и рисков, в частности, к особой уязвимости новой категории населения, пролетариата, к экономическим кризисам. Если во Французской революции сторонами конфликта, по Штейну, была собственность без труда в лице аристократии и труд с собственностью в лице третьего сословия, то в XIX в. сторонами стали труд и собственность, и фактическими гражданскими правами и свободой обладали только собственники. Решение «социального вопроса» фон Штейн видел в проведении социальных реформ силами монарха как неангажированного надклассового субъекта. Следовало создать такие условия, в которых каждый мог бы иметь равную возможность улучшать свое положение. Социальная политика была такой деятельностью административного аппарата, которая должна была содействовать развитию всех граждан безотносительно их капитала: «развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве», писал фон Штейн [16]. Термин «государство благосостояния» также использовался в немецкой политической философии с XIX в., но вошел в оборот в середине – второй половине XX в., обозначая такую

организацию социальной политики, при которой государство берет на себя ответственность за обеспечение благосостояния населения [16]. Аргументация, почему и как государство должно нести такую ответственность, различается в зависимости от направления политической философии.

Сообразно типологии Эспинг-Андерсена, исследованию подлежат три главных направления политической философии: консерватизм, либерализм и социал-демократия. Внутри консерватизма XX в. могут быть выделены элитизм, корпоративизм, патерналистский консерватизм и неоконсерватизм. В рамках либерализма – социальный либерализм и *laissez-faire* неолиберализм. Социал-демократия середины XX в. наряду с социальным либерализмом в наибольшей мере повлияла на форму и содержание государства всеобщего благосостояния. Многие представители этого направления принадлежали к фабианскому обществу или ориентировались на идеи фабианцев. Отдельного упоминания заслуживает марксизм, а именно ленинизм, маоизм и неомарксизм.

Корпоративизм был популярен в континентальной Европе до 1940-х гг., в наиболее систематическом виде его идеи были изложены австрийским социологом Отмаром Шпанном в книге «Истинное государство» (1921). По Шпанну, причиной социальных конфликтов начала XX в. было ухудшение положения рабочих из-за разделения труда и механической работы, но материалистическое решение Маркса делало жадность смыслом жизни и было неприемлемым. Путь преодоления конфликта – свободное объединение с тем, что духовно выше, т.е. корпорацией и сословием. Общество должно быть организовано, по образу гильдий Средних веков, в виде корпораций, для децентрализации, посредничества в отношениях между человеком и государством, и полноты жизни, в отличие от одиночества индивидуализма. Государство будет решать споры между корпорациями, будут снижены издержки на непродуктивные торговые и финансовые посреднические услуги. Будут использованы наиболее продуктивные процессы, стандартизация. Для свободного конкурентного рынка характерны недостаток планирования и растрата сил. Корпорации будут определять зарплаты и методы работы. Благодаря участию рабочих во всем процессе производства, присвоение добавленной стоимости в марксовом смысле исключается, сверхдоходы отдельных отраслей промышленности направлялись бы на средства производства или повышение зарплат. Единство рабочих и работодателей займет место разрушительной конкуренции, живая конкуренция корпораций – место бюрократического удушения социализма [21].

Патерналистский консерватизм, в наиболее радикальном варианте служебной иерархии, был представлен в «Пруссачестве и социализме»

(1919) Освальда Шпенглера и, в более мягком варианте, в «Третьем пути» (1938) Гарольда Макмиллана, впоследствии ставшего премьер-министром Британии. Макмиллан предлагал совместить элементы капитализма и государственного планирования, чтобы преодолеть кризис, спад, безработицу, к которым привел принцип *laissez-faire*. Он соглашался с предложениями Джона Мейнарда Кейнса по контрциклической бюджетно-налоговой политике. Макмиллан предлагал сделать государство собственником в важнейших отраслях экономики, а Банк Англии – органом централизованного управления инвестициями. В 1950–1970-е гг. среди британских консерваторов преобладало мнение, что следует развивать государство всеобщего благосостояния, гарантировать всем прожиточный минимум, занятость, поддерживать нуждающихся и пожилых [22].

Элитизм был артикулирован Джорджем Сантаяной в «Жизни Разума» (1906), Ирвингом Бэббитом в «Демократии и лидерстве» (1924), Хосе Ортегой-и-Гассетом в «Восстании масс» (1930). Элитизм не предлагал положительной программы социальной политики в виде совокупности социальных реформ, но защищал благотворительность. Элитисты говорили о неприятии массовой культуры, необходимости сохранения конкуренции как оживляющей общество силы и значении воспитания согласно образцам высоких достижений, а также критиковали бюрократизацию, социализм и идею социальной справедливости. Ирвинг Бэббит писал: «Профессора наших юридических школ оставляют традиционные стандарты права в пользу “социальной справедливости”. Социальная справедливость, хорошо бы напомнить этим “передовым” профессорам, означает на практике классовую справедливость, классовая справедливость означает классовую войну, а классовая война, если мы учтем весь опыт прошлого и настоящего, означает ад» [6, р. 308].

Неоконсерватизм сложился во второй половине XX в. в США, затем распространился в Британии и в Европе. Неоконсерваторы возражали против расширения государственного вмешательства, критиковали состояние морали. Неоконсерваторы считали, что социальные программы не решали, а усиливали проблемы. Повышение налогов для выплаты пособий разрушало мотивацию к труду, награждало праздность, наказывало трудолюбие и талант. Одним из систематизаторов неоконсерватизма был Ирвинг Кристол, издавший книгу «Неоконсерватизм: автобиография идеи» (1995). Он указывал, что в XX в. важнейшим политическим событием стало снижение веры широких масс в жизнь после смерти. В секуляризованной, либеральной цивилизации массы оказались без духовного гражданства, и утрата ожидаемой бесконечности сделала запросы на материальное возмещение бесконечными.

Запросы на перераспределение должны получить такой ответ, который, при минимальном бюрократическом принуждении, меньше всего повредил бы свободе и привычке опираться на свои силы. Опыт фон Бисмарка в Германии показал, что консервативное государство всеобщего благосостояния возможно. Наилучшим вариантом было бы смягчение налоговой нагрузки на граждан и отказ от передачи их средств государству, т.е. налоговые вычеты за взносы на страховку и пенсию [18].

В Германии самым известным неоконсерваторм был Гюнтер Рормозер. Он полагал, что государство благосостояния более не обеспечивало солидарность общества и вступило в противоречие с правовым государством, ставя равенство выше свободы. Бюрократия, отвечающая за перераспределение, стала политической силой. Росла налоговая нагрузка на предпринимателей, и они переносили производство в другие страны, и долговая нагрузка на будущие поколения. Также страдали мораль и добродетели граждан: их учили требовать, а не отдавать. Роль государства в социальной сфере следовало снизить, сократить налоги, чтобы частная инициатива помогала росту экономики. Государство благосостояния оперирует типовыми ситуациями и не может вникать в уникальные обстоятельства. Индивид теряет свободу выбора. В социальной поддержке важнее мораль, сочувствие и милосердие. Если государство основано на морали и содействует развитию гражданской добродетели, оно сохраняет общество от распада. По Гегелю, указывал Рормозер, мораль сохраняется христианской общиной. Если люди не могут найти смысл жизни, они начинают разрушать себя, и предотвратить это может только религия. Материальное неравенство не будет восприниматься людьми как проблема, если они ожидают, что справедливость Творца уравнивает всех. По мнению Рормозера, вместо расширения социального государства следовало развивать солидарность на базе национального сознания, истории и религии [2].

Все направления консерватизма объединяло унаследованное из античной и средневековой философии представление о неравенстве людей, стратификации общества сообразно выполняемым людьми и группами функциям. Права и обязанности зависят от статуса. Приоритетными ценностями были порядок и служение. Конфликты должны были решаться силами традиций, благотворительности. Общим для элитизма, корпоративизма и патерналистского консерватизма было происхождение из аристократического романтизма XIX в. Но если корпоративизм считал главным субъектом социальной политики объединение, отводя государству только роль арбитра в спорах между корпорациями, то патерналистский консерватизм предлагал широкое участие государства в экономике. Элитизм допускал только благотворительность,

неоконсерватизм добавлял страховые схемы. Представители обоих течений рассчитывали, что рост массового благосостояния будет происходить благодаря конкуренции и изобретениям, а не перераспределению, но условием для общественного мира было скорее воспитание и мораль, чем материальное благополучие.

Если классический либерализм XIX в. почти совпадал с элитизмом в вопросах социальной политики, то в конце XIX – начале XX вв. сложился «новый» либерализм, получивший название социального. Его систематизировал Леонард Трелони Гобхаус. Он писал: «Государство должно обеспечить такие экономические условия, чтобы нормальный человек, не имеющий недостатков ума, тела или воли, мог полезным трудом прокормить, обеспечить жильем и одеждой себя и свою семью. “Право на труд” и право на “прожиточный минимум” так же значимы, как и права личности или собственности... [для] хорошего общественного порядка... Индивид не отвечает за рост и спад, но вынужден за них платить. Поэтому то, чего он просит, это не благотворительность, а справедливость» [15, р. 158–159]. Фабианство Гобхаус считал недемократичным. В социализме терялись права личности, слишком большой приоритет имели коллективные ценности. Механический социализм навязан как воля закрытой правящей группы. Социализм приписывал ценность труду, игнорируя ценность руководства и изобретения. Классов, выделяемых социализмом как стороны войны, не существует. Но собственность создается и сохраняется благодаря как индивидуальным, так и общественным силам – полиции, судьям, накопленной совокупности изобретений и инфраструктуры. Необходимо с помощью фискальных мер и правил производства гарантировать, чтобы общество могло обеспечить экономическую независимость для всех, кроме тех, кто беден из-за праздности, чтобы собственник не мог распоряжаться трудом других сугубо по своему усмотрению [15].

С 1930-х до 1970-х гг. в развитых промышленных странах сложился консенсус в сфере социальной политики, который обычно называется «кейнсианским государством всеобщего благосостояния» или синтезом социального либерализма и социал-демократии. Для обеспечения полной занятости, к которой не склонен рынок из-за того, что совокупный спрос меньше совокупного предложения, предлагалось стимулирование спроса силами государства, т.е. организация общественных работ или государственных инвестиций, содействие частным инвестициям с помощью кредитования. Вильям Беверидж в своем докладе «Социальное страхование и смежные услуги» (1942) предлагал победить «пять гигантов»: нужду, болезни, невежество, нищету, безработицу, для чего следовало обеспечивать всеобщую занятость и единую систему социального

страхования. По итогам доклада было создано британское государство всеобщего благосостояния, опекавшее граждан «от колыбели до могилы» [11]. В США сторонники социального либерализма, например, работавший в администрации Рузвельта, Кеннеди и Линдона Джонсона последователь Кейнса Джон Гелбрейт, обращали внимание на контраст между ростом частного благосостояния и пренебрежением к общему благополучию. Программа Линдона Джонсона по расширению социальных расходов «Великое общество» в 1960-е гг. была нацелена на то, чтобы от экономического роста выиграло все население [20].

Джон Роулз, развивая логику социального либерализма в своей работе «Теория справедливости» (1971), отмечал, что государство всеобщего благосостояния не учитывает политическую бедность. Минимальной поддержки недостаточно, чтобы бедные граждане могли полноценно участвовать в экономической и политической жизни. Возник и растет зависимый и возмущенный низший класс, что угрожает стабильности демократических институтов. Роулз, опираясь на идеи Джона Стюарта Милля об участии работников в управлении предприятиями, предлагал развивать демократию собственников. Борьба за равное политическое влияние должна идти вместе с ограничением свободного рынка и равномерным распределением средств производства и собственности. Чтобы богатство не концентрировалось, требовалось прогрессивное налогообложение [5].

Рональд Дворкин в работе «Дело принципа» (1986) писал, что снижение налогов и иные реформы Рейгана были несправедливы, они означали рост безработицы для гипотетического улучшения экономики в будущем. Либеральная же теория справедливости должна совместить два принципа. Во-первых, благосостояние людей должно зависеть от того, насколько их выбор был полезным для общества, отвечал запросам других людей. «Рынок представляется незаменимым для этого принципа. Согласно второму требованию, люди не должны обладать разным уровнем богатства только потому, что у них разные врожденные способности производить то, что нужно другим, или что они находятся в разном положении в силу обстоятельств. Это означает, что рыночное распределение должно быть скорректировано так, чтобы приблизить людей к той доле ресурсов, которая у них была бы, если бы не эти различия в первоначальных преимуществах, удаче и врожденных способностях» [9, p. 207].

Рейган в США и Тэтчер в Британии в 1980-е гг., вопреки социальному либерализму, считали необходимым снижение социальных расходов, а справедливость видели в сообразности усилия и вознаграждения, для чего лучше всего подходил рынок. Снятие бюрократических ограничений

и увеличение роли рынка должно было высвободить средства для инвестиций, повысить эффективность экономики и увеличить предложение. Реформы опирались на неоконсерватизм и *laissez-faire* неолиберализм.

Термин «неолиберализм» был предложен на коллоквиуме Уолтера Липпмана в Париже в 1938 г. немецким экономистом Александром Рюстовым. Мнения участников коллоквиума по поводу будущего либерализма разделилось: большинство, в том числе сам Рюстов, Вильгельм Рёпке и Фридрих фон Хайек, сочли допустимым государственное вмешательство. Подход Рюстова и Рёпке, популярный в Германии, по названию альманаха «Ордо» получил наименование «ордолиберализма». Меньшинство, в том числе Людвиг фон Мизес, настаивали на сохранении принципа *laissez-faire* [12].

Государственные расходы, по фон Мизесу, потребляли капитал. Сторонники социального обеспечения критиковали капитализм за неравенство и нищету, но именно капитализм вывел человечество из нищеты естественного состояния. Идеи Фурье и Маркса о естественном богатстве ошибочны и опровергаются опытом: для природы характерна борьба за выживание. Благосостояние человечества выросло благодаря накоплению капитала, разделению труда и повышению производительности. Роль государства – защита собственности и конкуренции и урегулирование конфликтов: мир необходим для разделения труда и развития экономики. Если численность населения будет расти быстрее, чем экономика, и если будет растрачиваться капитал, то процесс улучшения благосостояния повернется вспять. Кейнсианская политика и интервенции подрывают институты рыночной экономики, кредитная экспансия ведет к инфляции, «сводят на нет все попытки “простого человека” сэкономить и накопить резервы на черный день [и экспроприируют пожертвования больниц и приютов]... Большая часть тех, кому помогают благотворительные институты, бедствуют только потому, что до этого их довели интервенционисты. Когда пропагандисты благосостояния жалуются на недостаточность имеющихся средств для оказания помощи, они жалуются на один из результатов политики, которую сами же отстаивают» [1, с. 786]. Благодаря конкуренции производители стремятся наилучшим образом удовлетворить имеющийся спрос, ограничивать ее вредно. Также вредна и государственная борьба с безработицей: общественные работы изымают ресурсы из других отраслей, а пособия замедляют адаптацию к спросу [1].

Фон Хайек считал, что государственное участие в образовании, социальном страховании, временные субсидии при экономической депрессии или природных бедствиях, ограничения на продолжительность рабочего дня и требования по санитарии допустимы. Фон Хайек пишет,

что «нужно провести различие между... ограниченной защищенностью, которую можно обеспечить всем и которая поэтому не является привилегией, и абсолютной защищенностью... [означающую], что полномочия государства по осуществлению принуждения должны применяться так, чтобы гарантировать конкретным людям конкретные блага, оказывается необходимой определенная дискриминация и неравное обращение с разными людьми, что несовместимо со свободным обществом. Именно социальное государство такого типа стремится к “социальной справедливости” и занимается “прежде всего перераспределением доходов”. Оно неизбежно ведет назад к социализму и использует его насильственные и по существу произвольные методы» [4, с. 338–339]. Граждане лишаются возможности выбирать, а власти оценивают потребности и принимают решения, устраняя конкуренцию и превращая медицину, образование, страхование в унитарные бюрократические иерархии. Проблема всеобщих государственных мер в их необратимости. Борьба Бевеиджа с пятью гигантами создает новые проблемы для свободы [4].

Как и фон Хайек, Милтон Фридман рассуждал о способах обеспечения прожиточного минимума, позволяющих сохранить рыночные свободы. Он предложил использовать отрицательный подоходный налог, а не минимальную зарплату. Также для защиты от рисков следовало использовать частные страховые и пенсионные схемы: в отличие от обязательных механизмов государства всеобщего благосостояния они не подразумевают коллективизм. Если государство попытается повысить качество жизни, введя единые стандарты жилья, одежды, питания, развитие прекратится. Попытка контролировать цены и зарплаты означала бы замену свободного предпринимательства централизованным контролем, привела бы к дефициту и нехватке рабочей силы. Цены и зарплаты зависят от объема денег в экономике, а не жадности предпринимателей или рабочих. Материальные успехи свободных обществ – следствие равенства возможностей. Бедность сократилась в странах Запада благодаря развитию предпринимательства в XIX–XX вв., когда также росла благотворительность. Преследуя собственный интерес, индивид содействует благу общества, цитирует Фридман Адама Смита. Государственная социальная поддержка снижает мотивацию благотворителей. Идея социальной ответственности корпораций вредна тем, что навязывает корпорациям несвойственные функции. Корпорация должна обеспечивать акционерам прибыль, честно конкурируя в рамках закона, а не жертвовать средства, нарушая права акционеров распоряжаться ими [3].

Общим для разных направлений либерализма в отношении к социальной политике была проблема защиты от произвола. С точки зрения

laissez-faire неолиберализма, произволом было государственное вмешательство. С точки зрения социального либерализма – экономическая незащищенность граждан от не зависящих от них факторов, как рыночные колебания или происхождение, не позволявшее оплачивать образование. Laissez-faire неолиберализм ожидал, что государство будет действовать как «ночной сторож» и защищать только сами рыночные механизмы, социальный либерализм – что обеспечивать гражданам равные возможности.

Проблема равенства была основной для марксизма. Марксизм в XX в. может быть условно поделен на революционный марксизм, в первую очередь ленинизм и маоизм, и неомарксизм. Ленин и Мао иначе, чем Маркс, относились к крестьянству и роли партии. Ленин ожидал, что партия как авангард рабочего класса сможет произвести социалистическую революцию в стране, в которой преобладало крестьянство. Мао считал, что крестьянству может быть передано классовое сознание пролетариата, что создаст условия для социалистической революции. Маоизм отличался от ленинизма перенятой у Сунь Ятсена идеей приоритета нации, а не класса, а также идеей революционного энтузиазма масс как силы, развивающей социализм вместо партийной бюрократии. Оба, вслед за Марксом, ожидали исчезновения антагонистического характера общественных конфликтов после обобществления средств производства и достижения безгосударственного и бесклассового состояния, в котором исчезнет эксплуатация и статусное неравенство, каждый будет трудиться по способностям, а получать по потребностям [17].

Неомарксизм – условное обозначение для множества направлений политической философии, которые использовала понятийно-категориальный аппарат Маркса, но обычно ставили проблемы иначе и предлагали другие решения, нежели Маркс, апеллируя к культуре, символам, психологии. Неомарксизм выражал смешанное отношение к формирующемуся в середине XX в. государству всеобщего благосостояния. Социальная поддержка, в терминах Луи Альтюссера, представляла собой идеологические аппараты государства, закреплявшие зависимое и подчиненное положение получателей помощи [14, р. 143]. Клаус Оффе указывал на противоречие между коммодифицирующими целями кейнсианского социального государства и декоммодифицирующими практиками. Государство благосостояния не решало главное противоречие как причину конфликта, контроль капиталистов над средствами производства. Он писал о том, что фундамент капиталистического общества – трудовой договор – был связан с безработицей, бедностью, отказом в автономии. Решением должно было стать обеспечение гарантированного базового дохода [19, р. 201].

Фабианцы отличались от большинства марксистов тем, что возлагали задачу решения социальных конфликтов на государство и ожидали, что социальные реформы защитили бы общество от разрушительного поведения пролетариата. Сидней и Беатрис Вебб считали, что путь к социализму идет не через революцию, а через рационализацию управления и усиление коллективного обеспечения общих нужд.

Веббы опирались на утилитаризм и видели цель управления в достижении наибольшего блага для наибольшего числа людей. Следовало направлять ресурсы государства не на вспомоществование, которое поддерживало беспечность и вредило характеру, но на профилактику болезней и бедствий. Развитие санитарии и здравоохранения содействовали бы всеобщей занятости, росту производительности труда и богатства страны. Необходимость больших расходов на бедных связана с неравными стартовыми условиями. Требовалось укротить хищнические и анархические импульсы капитализма, подчинить его общему благу. Государственное регулирование необходимо: при неограниченной конкуренции в выигрыше окажется тот, кто будет экономить на рабочих. Строгие правила санитарии и прожиточный минимум владельцы недвижимости и работодатели воспринимали как ограничение их свободы, но для наемного работника – «это колоссальный рост практической свободы действий... увеличение досуга, улучшение здоровья, условий жизни, дальнейшие возможности для развития детей, а иногда и более высокая заработная плата», возможность прокормить себя или семью [24, р. 321].

Один из последователей Веббов, Джордж Коул, начинал с теории гильдейского социализма, развивавшей идеи XIX в. о восстановлении гильдий и самоуправления в промышленности для преодоления конфликтов. Но к середине XX в. он перешел к идее государственного социализма. Без государственного вмешательства складывается не свободная конкуренция, а безответственная монополия, сокращающая число работников и производство для повышения цен. Контроль над производством неизбежен по мере его усложнения. Речь идет о выборе не между социализмом и свободным частным предпринимательством, но между социализмом и монополией, ведущей к диктатуре и войне, или недемократическим социализмом. Либералы поддерживали обобществление отдельных отраслей, но, чтобы частные отрасли не блокировали общественные, нужно полное обобществление средств производства, распределения и обмена. Британский социализм, по Коулу, предлагал не классовую войну, а помощь бедным в достижении стандартов благополучных рабочих и равные возможности для всех. Государство должно гарантировать достойные зарплаты трудящимся и минимальные

зарплаты, помощь натурой лицам с низким доходом – не в форме благотворительности, но за труд. Улучшение условий улучшит производительность, рынок жилья, устойчивость занятости. Благодаря достижениям науки можно покончить с бедностью и безработицей. Коул писал, что каждый должен иметь возможность работать, «если его труд может добавить что-то ценное, с точки зрения человеческих потребностей, к общему объему производства» [7, р. 42]. Не какой-либо капиталист, стремящийся к прибыли, должен определять, сколько нужно производить, а общество, «путем планирования, т.е. коллективного и ответственного решения о том, как использовать имеющуюся рабочую силу и орудия производства» [Ibid.].

Британский гильдейский социализм, а также марксизм, повлияли на Эрнста Вигфорса, министра финансов Швеции в 1920–1940-е гг. Вигфорс выступал за постепенный, без потрясений, переход к социализму. Чтобы освободить рабочих от капризов рынка и произвола работодателей, государство должно вмешаться, даже если это означает лишение людей права умереть от голода или разбогатеть. Капитализм Вигфорс критиковал за несправедливое распределение богатства, власти, свободы и безопасности, кризисы, неэффективность, неполную занятость рабочих и ресурсов, расточительство из-за классовых конфликтов, конкуренции и рекламы бесполезных товаров. Социал-демократия была альтернативой государственному социализму и либеральному государству благосостояния. Капиталистическое общество должно быть преобразовано в бесклассовое, с всеобщим равенством условий, государственным планированием инвестиций и развития экономики, налогами на наследство и прогрессивным налогообложением, социальным обеспечением – здравоохранением, пенсиями, пособиями, строительством жилья. Вигфорс настаивал на промышленной демократии: в консервативной «демократии собственников» акционеры мало влияли на корпорации, а национализация означала опасную концентрацию власти и такую же неустойчивость, неэффективность и несправедливость экономики, как и при капитализме [23].

Энтони Кросланд, один из наиболее известных лейбористов XX в., в книге «Будущее социализма» (1956) предлагал заимствовать шведский опыт и ввести в Британии всеобщую обязательную схему социального страхования, чтобы решить проблемы неравенства. Кросланд писал, что развитие социальных программ изменило в середине XX в. капиталистическое общество. Ожидания марксизма, что внутренние противоречия капитализма приведут к обнищанию населения и коллапсу всей системы, были опровергнуты практикой. Идея власти капиталистов также была опровергнута, поскольку власть перешла от класса предпринимателей

к бюрократии. Государство взяло на себя ответственность за полную занятость, экономический рост, распределение дохода с помощью налоговой политики. Усилилась власть труда: благодаря росту занятости укрепились профсоюзы. Индивидуализм и вера в «невидимую руку рынка» были дискредитированы кризисом Великой депрессии и уступили место идеалам кооперации [8].

В 1970-е гг. из-за кризисов многие политики и мыслители сочли дискредитированным государство всеобщего благосостояния в частности и государственное вмешательство в экономику в целом. К этим условиям социолог Энтони Гидденс пытался адаптировать социал-демократию. Он написал книгу «Третий путь: обновление социал-демократии» (1998). В попытке избежать крайностей государственного социализма и либерализма, писал он, «политика третьего пути должна сохранять центральное место социальной справедливости... Равенство и индивидуальная свобода могут противоречить друг другу, но эгалитарные меры также часто расширяют спектр свобод, доступных индивидам. Отказавшись от коллективизма, политика третьего пути стремится к новым отношениям между индивидом и обществом, к переосмыслению прав и обязанностей. Можно предложить в качестве главного девиза новой политики: нет прав без обязанностей. Правительство несет целый ряд обязанностей перед своими гражданами, включая защиту уязвимых. Однако социал-демократия старого образца была склонна рассматривать права как безусловные требования. С ростом индивидуализма должно расширяться и круг индивидуальных обязанностей. Например, пособия по безработице должны предусматривать обязанность активно искать работу...» [13, р. 65].

Несмотря на сближение социал-демократии и социального либерализма, схожесть между неоконсерватизмом и неолиберализмом, между патерналистским консерватизмом и фабианством, разница между подходами сохранялась в восприятии рисков и общественных конфликтов и отношениях власти, обеспечиваемых социальной политикой. Подходы по-разному воспринимали проблемы и предлагали разные решения. Для социального либерализма, марксизма и социал-демократии проблема была в неравенстве. Но социальный либерализм был нацелен на обеспечение равных условий для участников рынка, в том числе через перераспределение, направленное на выравнивание их шансов, а марксизм и социал-демократия – на равную доступность социальных благ безотносительно рынка. Неолиберализм и неоконсерватизм полагали, что государственное вмешательство в действие рыночных механизмов должно быть минимальным, государство должно гарантировать условия, в которых силы спроса и предложения наиболее справедливо

распределять ресурсы между людьми сообразно их таланту и усердию, чтобы действовали естественные механизмы наград для трудолюбивых и наказаний для праздных. Допустимы только такие программы поддержки, которые не повредят рынку, не будут подрывать в людях стремление к опоре на собственные силы. Спонтанный порядок рыночных отношений больше способствует благосостоянию, чем государственное планирование. Если неоконсерватизм апеллировал к религии и традициям, то неолиберализм относился к ним нейтрально или отрицательно. Конфликты неолиберализм описывал не в категориях нарушении порядка, как консерватизм, а, вслед за классическим либерализмом, как произвол властей и индивидов, в том числе если этот произвол был связан с ограничением свободы в виде привилегий или государственного принуждения. В рамках социальной политики от произвола защищало обеспечение прожиточного минимума, чтобы нуждающийся индивид не покушался на чужое имущество для выживания, но и не терял стимулов к труду. Неоконсерватизм, как и корпоративизм и патерналистский консерватизм, предлагал страховые схемы, которые означали содействие солидарности, устойчивой занятости и стратификацию в иерархическом обществе.

Разные методы решения социальных конфликтов и разные предложения в сфере социальной политики связаны с разными политико-философскими представлениями о том, как должно быть организовано общество, что означает справедливость – приоритет свободы или равенства, индивида или коллектива, как согласуются права собственности и права человека, в какой мере следует вмешиваться в действие рыночных механизмов, какие противоречия должны устраняться с помощью государственного вмешательства.

Библиографический список / References

1. Мизес Л., фон. Человеческая деятельность. М., 2000. [Mises L., von. Chelovecheskaya deyatel'nost' [Human action]. Moscow, 2000.]
2. Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996. [Rormozer G. Krizis liberalizma [Crisis of liberalism]. Moscow, 1996.]
3. Фридман М. Капитализм и свобода. М., 2006. [Freedman M. Kapitalizm i svoboda [Capitalism and freedom]. Moscow, 2006.]
4. Хайек Ф.А., фон. Конституция свободы. М., 2018. [Hayek F.A., von. Konstitutsiya svobody [The constitution of liberty]. Moscow, 2018.]
5. Audard C. Addressing the rise of inequalities: How relevant is Rawls's critique of welfare state capitalism? *Journal of Social Philosophy*. 2024. No. 2. Pp. 221–237.
6. Babbitt. Democracy and leadership. Boston, 1934.
7. Cole G.D.H. Fabian socialism. L., 1943.

8. Crossland C.A.R. The future of socialism. L., 1964.
9. Dworkin R. A matter of principle. Cambridge, 1985.
10. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism. Cambridge, 1996.
11. Fanning B. Three roads to the welfare state: Liberalism, social democracy and Christian democracy. Bristol, 2021.
12. Fawcett E. Liberalism. The life of an idea. Princeton, 2014.
13. Giddens A. The third way: The renewal of social democracy. Cambridge, 1998.
14. Hewitt M. Welfare, ideology and need. Hemel Hempstead, 1992.
15. Hobhouse L.T. Liberalism. L., 1919.
16. Kaufmann F.-X. European foundations of the welfare state. N.-Y., 2012
17. Kautsky J.H. Marxism and leninism: Different ideologies. Abingdon, 2017.
18. Kristol I. Neoconservatism. The autobiography of an idea. Chicago, 1999.
19. Offe C. Modernity and the state. Cambridge, 1996.
20. Parker R. John Kenneth Galbraith: His life, his politics, his economics. Chicago, 2005.
21. Spann O. The true state. L., 2020.
22. Steber M. The guardians of concepts. Political languages of conservatism in Britain and West Germany, 1945–1980. N.-Y., 2023.
23. Tilton T.A. A Swedish road to socialism: Ernst Wigforss and the ideological foundations of Swedish social democracy. *The American Political Science Review*. 1979. Vol. 73. No. 2. Pp. 505–520.
24. Webb B., Webb S. The prevention of destitution. L., 1916.

Статья поступила в редакцию 04.07.2025, принята к публикации 20.08.2025

The article was received on 04.07.2025, accepted for publication 20.08.2025

Сведения об авторе / About the author

Подольский Вадим Андреевич – кандидат политических наук; старший научный сотрудник сектора истории политической философии, Институт философии РАН, г. Москва

Vadim A. Podolskiy – PhD in Political Sciences; senior research fellow at the Department of History of Political Philosophy, RAS Institute of Philosophy, Moscow

E-mail: deomniscibili@yandex.ru